

Вскоре служанка ввела в комнату мужчину средних лет. Доктор Хэ был хорошо знаком всем в поместье Ци. Заболела голова, одолела лихорадка - у хозяина или слуги, неважно - они приглашали доктора Хэ. После того, как он фамильярно поздоровался с Лян-ши, он сразу же подошел, чтобы осмотреть Ци Чэнхао.

Доктор осмотрел ребенка, пощупал пульс и измерил температуру. Выражение его лица постепенно становилось серьезным.

На сердце урожденной Лян стало еще тяжелее. Она быстро спросила: «Ну как?»

Доктор вздохнул и покачал головой: «Ситуация нехорошая. Я попробую выписать лекарство!»

- Попробуете? Как вы думаете, кто мой сын? Неужели мой сын - тот, кого можно небрежно «попробовать» лечить? - резко бросила урожденная Лян, повысив голос.

У доктора Хэ изначально не было уверенности. Теперь, когда он увидел, как ведет себя урожденная Лян, он немедленно 'одолжил лошадь, чтобы спуститься вниз по склону': «Раз уж госпожа отказывается пробовать, то, пожалуйста, поищите другого врача!»

Доктор Хэ тут же взял свою аптечку и ушел. Он боялся, что если пойдет медленнее, то кто-нибудь вернет его назад. Ему было совершенно ясно, что маленький гунцзы был источником жизненной силы семьи Ци. Если что-то случится с ним под руководством доктора, ему больше не нужно будет думать о том, как держать свою клинику открытой. Возможно, он даже сядет в тюрьму.

Урожденная Лян увидела убегающего доктора Хэ и немедленно приказала слугам: «Поторопитесь. Приведите сюда других врачей. Найдите всех известных врачей в Пэнчэне!»

Слуги выбежали из дома. Хотя было третье января, и ни одна из медицинских клиник не была открыта, они наверняка найдут кого-нибудь, если хорошенько поищут.

Но когда через два часа все врачи примчались в поместье Ци, состояние Ци Чэнхао было еще хуже, чем тогда, когда его осматривал доктор Хэ.

Ци Чэнхао теперь не приходил в сознание. Его глаза были запавшими, а лицо желтым и сморщенным, как будто большая часть его крови и плоти была удалена из его тела за этот короткий промежуток времени.

Урожденная Лян была так взволнована, что заплакала. Она не знала, что ей делать. Врачи подходили по очереди, и она больше не осмеливалась говорить что-либо грубое. Она искренне просила их поскорее спасти ее сына.

После осмотра все доктора выглядели озадаченными. Кто-то предложил использовать сначала

лекарство от простуды, а затем лекарство от диареи.

Другой лекарь сказал, что они не могут использовать лекарство от диареи, вместо этого им следовало использовать готовые лекарства.

Все галдели, желая выразить свою точку зрения. Каждый предлагал свой план лечения. У каждого было свое мнение, и они отказывались подчиняться кому-либо еще. В комнате царил хаос.

У Лян-ши больше не было никаких идей. Она глупо стояла в стороне. В это время Ци Юнчунь получил известие и поспешил к сыну. Она увидела, что к ней подошел ее муж, и тут же бросилась к нему, заливаясь слезами. Она хотела что-то сказать, но Ци Юнчунь безжалостно оттолкнул ее и подошел к кровати сына.

Ци Юнчунь мрачно спросил: «Что с ним? Насколько все плохо?» В конце концов, он был мужчиной и судьей префектуры, так что у него были повадки настоящего уважаемого чиновника.

Врачи больше не спорили. Их голоса тоже звучали намного тише. Слово за слово, они рассказали ему, в чем дело.

Ци Юнчунь нахмурился.

- Вы так много сказали, но не сказали, можете ли вы спасти моего ребенка? Просто скажите, можете ли вы вылечить его или нет. А как вы будете его лечить - это уже ваше дело.

Врачи переглянулись, но ничего не могли сказать. Не оставалось сомнений, что болезнь была серьезной. Но даже если бы это была незначительная болезнь, они не осмелились бы гарантировать семье пациента, что смогут вылечить его!

Они уже давно привыкли преувеличивать болезнь пациента и превращать незначительную болезнь в серьезную. Тогда это выглядело так, будто они смогли успешно вылечить больного только благодаря своим способностям. Но если они не могли вылечить больного, то это было потому, что болезнь была слишком серьезной, и он обратился за помощью слишком поздно, так что даже волшебник не смог бы спасти его.